

*С. И. Панов, О. Ю. Панова*

## **Издатели и читатели французской литературы в СССР в конце 1920-х — 1930-е гг.**

### **Панов**

**Сергей Игоревич**

канд. филол. наук,  
ст. науч. сотр.,  
Институт мировой  
литературы  
им. А. М. Горького РАН  
(Москва, Россия)

### **Панова**

**Ольга Юрьевна**

д-р филол. наук,  
проф., Московский  
государственный  
университет  
им. М. В. Ломоносова;  
вед. науч. сотр.,  
Институт мировой  
литературы  
им. А. М. Горького РАН  
(Москва, Россия)

В программе советского культурного строительства 1920–1930-х гг. приоритетное место отводилось литературному фронту. Стояли задачи создать новую литературу и нового писателя — и одновременно вырастить советского читателя<sup>1</sup>. На эти цели были направлены беспрецедентные усилия пропаганды, обучения, культурного воспитания масс. Постепенно складывались жесткие нормы издательской политики, строгий селективный канон авторов и произведений<sup>2</sup>. Наряду с «чисткой рядов» и «формовкой» советских писателей<sup>3</sup>, шел отбор иностранных авторов, достойных того, чтобы их переводили и печатали в «самой читающей стране». Апроприация, адаптация западной литературы имела многообразные формы и была сложным процессом, в котором активно участвовали идеологические органы, критики, издатели, читатели<sup>4</sup>.

Под советским образом французской литературы обычно имеется в виду канон, который сложился к концу 1930-х гг.: это избирательно подобранная классика, прежде всего авторы, которых можно было подавать как критиков общества и вольнодумцев (Рабле, Вольтер, Мольер, Дидро, Беранже, Бомарше, Гюго), из современных писателей — левые и коммунисты (Барбюс, Вайян-Кутюрье, Арагон), а также крупные фигуры, которых уважали как реалистов и социальных критиков — Роже Мартен дю

Гар, Анатоль Франс; величайшим современным классиком считался друг СССР Ромен Роллан, выросший в Советском Союзе в поистине титаническую фигуру. Встречались среди французских писателей и «неблагодарные предатели» — например, Андре Жид, отплативший за добро «клеветой» на СССР, а также «реакционеры», такие, как Анри де Монтерлан, Пьер Дриё ла Рошель, Морис Баррес, о которых советский читатель знал в основном понаслышке, встречая их имена вместе с устойчивыми эпитетами («нищееанец», «фашист», «ультрашовинист») в «ругательных» статьях советских критиков.

Этот классический советский канон французский литературы сложился не сразу: важным поворотным пунктом стал рубеж 1920–1930-х гг., когда происходит сворачивание нэпа и централизация книгоиздания, радикально меняется не только положение писателей внутри страны, но и ситуация с изданием зарубежной литературы.

В 1920-е гг. — эпоху нэпа и относительного культурного плюрализма, издательское дело переживает бурный подъем, и общая панорама выпускавшейся в двадцатые годы современной западной, в том числе и французской, литературы отличается пестротой и разнообразием. Помимо Государственного издательства РСФСР (Госиздат, ГИЗ) активно работают частные издательства, которые быстро возобновляют сложившуюся до революции практику оперативного перевода и издания «по горячим следам» новинок, налаживают выпуск самых востребованных и читаемых авторов.

Выпускавшиеся книги оценивались литературной критикой — почти на каждое издание выходило по одной-две, а часто и по несколько рецензий — как в специализированной библиографической периодике («Печать и революция», «Книгоноша», «Книга и профсоюзы», «Читатель и писатель» и др.), так и в литературно-художественных и общественно-политических журналах и газетах<sup>5</sup>.

Особую нишу занимало издательство «Academia» (1921–1937): каждое солидное, снабженное статьей и комментариями издание становилось событием. Крупных писателей выпускало государственно-акционерное издательство «Земля и фабрика» — здесь вышло 24-томное Собрание сочинений Жюль Верна (1928–1930), 20-томное Полное собрание сочинений А. Франса под редакцией и с предисловием Луначарского (1927–1931). Ленинградское частное издательство «Время» И. В. Вольфсона и Г. П. Блока выпустило «Семью Тибо» Р. Мартена дю Гара, «Светского танцора» Поля Бурже (1927); авторизованное Собрание сочинений Романа Роллана в 20 томах (1930–1936) стало «лебединой песней» товарищества, которое было закрыто и влито в Госиздат в 1934 г.<sup>6</sup> Начатое «Временем» в 1933 г. Полное собрание сочинений Стендаля заканчивалось уже в Госиздате (выпуск шел до 1950 г.). Еще одним «тяжеловесом» литературного рынка было ленинградское издательство «Мысль», поставившее на поток выпуск переводной литературы большими тиражами. Ленинградский «Сеятель» и московский «Огонек» специализировались на изданиях «брошюрного» типа. Часто это были сборники из нескольких рассказов или повести, выпускаемые большим тиражом. Например, в 1925 г. «Огонек» издал рассказ Жозефа Кесселя «Мари из Карко» (пер. Р. Калменс): в книге 31 страница, тираж ее — 50 тыс. экз.

Помимо современных классиков (Франс, Роллан) и Жюль Верна, лидерами по числу изданных книг и тиражам являлись авторы авантюрных, детективных, исторических и, как называли их тогда, «колониальных» или «экзотических» романов. Это были сотни произведений и десятки имен. Так, например, среди наиболее популярных авторов, вышедших практически во всех издательствах, фигурировали «французский Конан Дойл» Морис Леблан (большим успехом пользовалась его романная серия о сыщике Арсене Люпене), Франсуа Бонжан (экзотический колониальный роман).

Крупнейшие «звезды» коммерческого книгоиздания 1920-х гг. — авторы, которые не только не принадлежали к числу «пролетарских» или «революционных» писателей, но не являлись и «идейно близкими». Никто из них не перешагнул рубеж десятилетий и не сохранил свои позиции в 1930-е гг. Это, прежде всего, Пьер Мак-Орлан: в СССР в 1920-е гг. вышло полтора десятка его романов, в том числе знаменитая «Набережная туманов» (1927). Очень популярен был Пьер Бенуа, о котором критика все время отзывалась в нелестных выражениях, — как об авторе, которого «читают французские мещане»<sup>7</sup>, однако в течение 1920-х гг. вышло 11 его романов, многие одновременно в нескольких издательствах, в разных переводах, с переизданиями и допечатками тиража.

Много издавали авторов «колониальных романов» — Фердинанда Дюшена (в 1925–1926 гг. вышли семь романов, из них четыре — в издательстве «Мысль») и Клода Фаррера: было выпущено 10-томное собрание его сочинений (московское издательство «Современные проблемы», 1926–1927), не считая множества отдельных изданий, хотя критика аттестовала писателя как выразителя идей великодержавной Франции, консерватора и националиста<sup>8</sup>. «Реакционеры» также были неплохо представлены, например, Поль Моран, которого критики считали типичным представителем идеологии крупной буржуазии, — было издано около десяти его романов, сборников рассказов и новелл, давших панораму «угарной, беспочвенной послевоенной буржуазной Европы»<sup>9</sup>; вышел «Сад на берегу Оронта» Мориса Барреса, «махрового реакционера и шовиниста»<sup>10</sup>. Публиковали «католических мистиков» и «врагов революционного рабочего движения»<sup>11</sup> Поля Бурже и Рене Базена, а также Анри Бери — постоянно перепечатывали его роман «Мой друг Робеспьер», несмотря на то, что этот политический журналист и литератор, посетив в 1925 г. СССР, выпустил книгу «Что я видел в Москве» (1925), полную клеветы и измышлений, как с негодованием писали советские критики.

Среди других популярных и широко издававшихся авторов можно назвать Пьера Ла-Мазьера, чья книга «Меня пышно похоронят» за десять лет (с 1924 г.) выдержала 13 изданий в разных переводах; «попутчика-интеллигента» Ж.-Р. Блока и, конечно, Жоржа Дюамеля и Люка Дюртена, побывавших в СССР в 1925 г. Сочинения Дюамеля выходили десятками, что было сопоставимо только с изданиями Клода Фаррера и Пьера Ампа. Последний автор представляет собой, пожалуй, наиболее интересный случай. В середине 1920-х гг. за 5 лет было издано более 25 его книг, причем многие романы переиздавались по четыре-пять раз; издательство «Земля и фабрика» вознамерилось полностью напечатать исполинскую серию производственных романов «Труд чело-

веческий» (план, однако, не был осуществлен). При этом издателей и критиков все время ставила в тупик амбивалентность этой фигуры, сочетавшей черты «певца труда» и «рenegата трудового класса»: «Пьер Амп — одно из любопытнейших явлений в современной литературе... Он ввел в литературу совершенно новый повествовательный жанр, где героями являются не люди, а различные отрасли промышленности, труда, хозяйства. <...> Хотя он был рабочим, в своих сочинениях он симпатизирует врагам рабочего класса — капиталистам. Недавно он был разоблачен как прихлебатель колониальных кругов и предатель рабочего класса»<sup>12</sup>.

Интересно, что удельный вес авторов пролетарских, друзей СССР и коммунистов в общем потоке весьма невелик. К исходу 1920-х гг. много издавали лишь Барбюса (которого, кстати, переводил и Осип Мандельштам) — более 10 наименований. В поле зрения издателей и критиков попали «прогрессивные поэты и прозаики» группы «Аббатства» — Шарль Вильдрак и Рене Аркос. Поль Вайян-Кутюрье, столь прославленный у нас в 1930-е гг., в 1920-е гг. не издавался отдельным изданием ни разу.

Совершенно ясно, что в 1920-х гг. образ французской литературы был весьма далек от канона, принятого в период «сталинского ампира».

Что касается отбора авторов и книг в 1920-е гг., то ключевой фигурой в этом процессе становится переводчик — как правило, именно он следил за выходом новых книг, знал интересных, модных, перспективных авторов; имея знакомства и связи, мог доставать французские книги; нередко переводчик приносил издателю уже готовый перевод и старался добиться его публикации. К. И. Чуковский так описывал ситуацию в нэповском книгоиздании: «...переводчиков целые стада. Каждый из них отлично наладил получение иностранных книг из-за границы... Раздобыв книгу, переводчик бежит со всех ног к издателю: в “Мысль”, в “Ленинград”, во “Время” — и расхваливает свой товар. Если товар обещает 100 % прибыли, издатели соблазняются, заказывают перевод, и переводчик смаху переводит всю книгу в 5 или 6 ночей. Нравы разбойничьи. Конкуренция бешеная»<sup>13</sup>.

Рекомендованное произведение обычно проходило экспертизу. Задачей эксперта (внутреннего рецензента) было оценить художественные достоинства книги, ее «рыночный потенциал» и приемлемость для советской цензуры: если произведение признавалось идейно сомнительным, его либо не печатали, либо «адаптировали» (сокращали), снабжали «правильным» предисловием. Как отмечает М. Э. Маликова, это был «круг внутренних рецензентов, вербовавшихся в основном из социальной категории, которую в советских условиях можно назвать “неудачниками”. Эти, по жесткому выражению О. Мандельштама, “декласированные безработные интеллигенты, знающие иностранные языки”, трудно и без особого успеха осваивали новые условия советского культурного поля... Однако именно достигнутый ими в эпоху нэпа компромисс между собственным воспитанным до революции вкусом и требованиями внешних советских инстанций... в значительной степени определял репертуар переводных книг...»<sup>14</sup>

Последнее слово оставалось за издателем, который и принимал окончательное решение — выпускать книгу или нет.

Процедура внутреннего рецензирования существовала и в Госиздате. В 1920-е гг. «костяк» команды московского ГИЗа составили критики, связанные с Коммунистической академией, — В. Фриче, С. Динамов, И. Нусинов, И. Анисимов. В отличие от экспертов в частных издательствах, рецензенты ГИЗа ощущали себя представителями новой советской интеллектуальной элиты и были убеждены в своей миссии — воспитывать и просвещать советского читателя и издателя. Рецензии строились по определенному канону: краткая сумма содержания; оценка идейной стороны, художественных достоинств; рекомендации (издавать — не издавать — издавать в сокращении), указание, в какой из серий издательства эта книга будет уместна, на кого рассчитана («на широкого / среднего читателя», «на вузовца», «на квалифицированного / подготовленного читателя»). В случае если положительное мнение рецензента совпадало с мнением работников Госиздата, рецензент обычно становился редактором книги, автором вступительной статьи и ответственным за качество перевода.

В течение 1925–1930 гг. положительные рецензии получали книги классиков: «Гаргантюа и Пантагрюэль» Рабле, «Очарованная душа» Роллана, «Избранное» Ж.-Ж. Руссо, «Тартарен из Тараскона» А. Доде (по словам И. Нусинова, «Дон-Кихот французского провинциального мещанства середины XIX века, который в условиях быстро развивающегося капитализма мечтает о сохранении старой жизни милой провинции»<sup>15</sup>). Однако принадлежность автора к классикам не означала автоматической рекомендации к печати. Случались и отрицательные рецензии — так, например, Нусиновым была отвергнута «Земля» Э. Золя, как «одна из наименее острых и значительных вещей из цикла Ругон-Маккаров», в которой «крестьянство дано в отрицательных чертах без объяснения причин грубости “мужичья”»<sup>16</sup>. Под текстом рецензии Нусинова стоит резолюция зав. сектором художественной литературы ГИЗ О. Бескина: «Отклонить».

Из крупных современных писателей высокой оценки в 1926 г. удостоились рекомендованные Нусиновым для серии «Универсальная библиотека» Ж.-Р. Блок, Ш. Вильдрак со сборником «Стремление» («интересный и живой документ индивидуалистического психологизма, не изъеденного пессимизмом»). В ту же серию были отправлены книги друзей СССР: «Двое» Ж. Дюамеля («два интеллигента, ведущих борьбу за отвоение себе местечка повыше на социальной лестнице»)<sup>17</sup> и сборник «Сороковой этаж» Люка Дюртена.

Любопытен отзыв Нусинова на «Фальшивомонетчиков» А. Жида: рецензент скептически отнесся к идейно-содержательной стороне романа, сочтя ее слишком традиционной и вторичной, но сумел оценить новаторство в области художественной формы: «“Фальшивомонетчиками”, в последнем счете, [оказываются] писатель и его среда, живущая ложной жизнью... В тематическом отношении роман Жида ничего не прибавляет к своим великим предшественникам в области французского романа. Никаких новых социальных или психологических перспектив он не раскрывает. Но сделан его роман свежо, оригинально и читается с большим интересом, несмотря на свою растянутость. Это роман для интеллигентного читателя. Книга объемистая... но если сократить,

то утеряется представление о приемах, на которых книга построена. Поэтому надо сделать хороший, полный перевод»<sup>18</sup>.

Примерно четверть всех внутренних рецензий для ГИЗа середины — конца 1920-х гг. посвящена пролетарской литературе и социальной прозе. Заключения, как правило, даются положительные, книги рекомендуются для «широкого читателя». Среди образчиков этой литературы, например, «Гарасуна» Сержа Барранкса — «история деревенской девушки, “незаконнорожденной”», «книга социального протеста», «в литературном отношении хорошо сделанная»<sup>19</sup>; «Бабэ Каду» Марселя Виу о судьбе работниц, чей удел «чахотка или проституция» («Яркая социальная книга, чрезвычайно полезная у нас в наши дни, когда так часто забывают наши достижения в оздоровлении моральном и бытовом жизни наших работниц»<sup>20</sup>), «Сесиль Помье» Г. Жефруа — «история рабочей семьи от Парижской Коммуны до империалистической войны», автор которой «далеко не коммунист», но «полон любви к трудящимся»<sup>21</sup>.

Отрицательный вердикт был вынесен Нусиновым Пьеру Ампу — его сборник статей «Новое счастье» эксперт-французист объявил бесполезной книгой: «Рассуждения о парламентаризме, революции, пролетариате, марксизме, Ленине, о финансовых кризисах, валюте, судьбе женщины и т. д., и т. п. ... показывают, что, несмотря на свой острый интерес к социальным вопросам, Пьер Амп все же остается только интеллигентским путаником. <...> Книга, вероятно, считается революционной с точки зрения французского обывателя. Но нам она совершенно не нужна...»<sup>22</sup>

Что касается книг авторов «буржуазных» и «реакционных», то в середине — второй половине 1920-х гг. на них составляются разгромные рецензии, как, например, вот это обличение Поля Морана: «Одна надежда у Поль Морана осталась: фашизм. Он показал себя столь жизнеспособным, что “за каких-нибудь четыре года он возродил Италию”... Поль Моран... радостно отождествляет фашизм с Европой... Так “независимый эпикуреец” стал на колени перед фашистским чернорубашечником»<sup>23</sup>. Однако в конце этих филиппик нередко дается заключение «печатать» с подробным перечнем того, что нужно «выкинуть» при переводе и что написать в предисловии.

Рецензенты часто рекомендовали «допустить» романы приключенческие, колониальные, экзотические. Оценивались их идейная направленность (сочувствие «туземцам» и критика белых колонизаторов), увлекательность и стиль. Так, Нусинов положительно оценил романы о Марокко Фердинанда Дюшена «Неспешный шаг караванов» (1910) и «Роман Медийца» (1924) как содержащие «много чрезвычайно ценного материала, который говорит о внутренней жизни туземцев». Однако второй из них следовало подвергнуть идейной цензуре: «...по роману... разбросаны картинки, а то и фразы апологетики цивилизаторской роли французов, благодарности туземцев к Франции и их любви к французской культуре. Поэтому печатать книгу так, как она есть, нельзя. Необходимо для этого выпустить ряд мест... С этими поправками — я думаю, следует опубликовать эти книги <...> с литературной точки зрения они сделаны хорошо. В политическом отношении книги после соответствующих поправок становятся нейтральным материалом»<sup>24</sup>.

«Роман Медийца» в итоге печатать не стали — на рецензии стоит отрицательная резолюция работника ГИЗа. Гораздо более подходящей для советского читателя сочли книгу Альфреда Шомеля «Белые начинают и выигрывают»: «Среди огромной французской литературы о колониях книжка Шомеля выделяется своей идеологической установкой: автор осознает, что французы не цивилизаторы, а поработители, унижающие и развращающие туземцев. Он также сознает, что справедлива и упряма ненависть туземцев к французам... Книжка состоит из 42 маленьких новелл и картинок. Во многом они повторяют друг друга, поэтому они несколько надоедают читателю. Нужно из них перевести листа на 2, так чтоб вышли книжки “Универсальной библиотеки”»<sup>25</sup>.

К авантюрной литературе Нусинов отнес и книгу Блэза Сандрара «Золото. Удивительная история генерала Сютера» (1925), которую резко раскритиковал: «...тема для богатого авантюрного романа, в котором можно было бы вскрыть механизм капиталистического обогащения и лицемерия принципа священности частной собственности. Но ни того, ни другого автор не дал. <...> Переводить и издавать по-русски не стоит»<sup>26</sup>.

Таким образом, и Госиздат, и частные издательства конкурировали на одном и том же поле — четкой специализации не было; старались «обогнать конкурента», что в условиях отсутствия авторского права (СССР до 1970-х гг. не подписывал международных конвенций) сводилось к умению первыми найти, перевести и выпустить модную, актуальную, продаваемую книгу. В итоге очень часто одно и то же произведение выходило одновременно в разных издательствах и в разных переводах. Так, например, роман Пьера Бенуа «Владетельница Ливана» вышел в 1924 г. в нескольких переводах: в Москве — в «Мосполиграфе» и «Современных проблемах», и в ленинградской «Мысли»; его же роман «Прокраженный король» появился в 1927 г. в московских издательствах «Круг», «Современные проблемы» и в харьковском «Космосе». В этой конкурентной борьбе ГИЗ предсказуемо проигрывал «частникам» в плане оперативности.

Подобная ситуация ближе к концу 1920-х гг. не могла не привлечь обеспокоенного внимания сверху. Нэп подходил к концу, стремительно набирали силу тенденции централизации, унификации и огосударствления. Дни частных предпринимателей были сочтены, и «ненормальное положение дел» должно было быть исправлено.

24 января 1927 г. произошло примечательное событие, ясно обозначившее начавшийся поворот в советской издательской и, шире, литературной политике: секция литературы и искусства Коммунистической академии и представители Госиздата провели дискуссию на тему «Западная литература на книжном рынке». Участниками обсуждения были О. Бескин от Госиздата и ряд комакадемиков, в том числе И. М. Нусинов, В. М. Фриче, И. И. Анисимов, С. С. Динамов. Собравшиеся обсуждали, как «обуздать обнаглевшего частника» и перестроить выпуск переводных книг в пользу ГИЗ. Госиздат, по мнению комакадемиков, сохранял высокое качество изданий, но поскольку процесс тщательной подготовки книги был длительным, частники часто успевали быстро «состряпать» и «выбросить» на рынок несколько изданий готовящегося романа, «снять все сливки», но при этом «изуродовать книгу».

С основным докладом выступил специалист по французской литературе Исаак Нусинов. Всю современную иностранную литературу он разделил на группы: 1) беллетристика высокого художественного качества, радикального направления, как Панаит Истрати; 2) беллетристика высокого художественного мастерства, нейтральная в идеологическом отношении (как Жан Жироду, Пьер Мак Орлан, Андре Жид); 3) переводные книги с явно нездоровыми тенденциями (как «Прокаженный король» П. Бенуа). Предлагалось делать акцент на первые две группы. Издание талантливых, крупных «буржуазных» писателей, «далеких от коммунизма», «критикующих буржуазный строй на базе буржуазной культуры», было признано важнейшей культурной задачей. Приводя примеры того, как советские издатели в погоне за легким чтивом игнорируют крупных авторов, Нусинов особо отметил два имени: Андре Жида и Жана Жироду: «Книжный рынок лишь в этом году или год тому назад открыл нового талантливого французского писателя. Это Андре Жид. Во Франции... имеется целый ряд специальных исследований об Андре Жиде и Достоевском, указывается специально на русское влияние на Андре Жида, а между тем у нас только сейчас, в этом году, впервые заговорили о нем, впервые появилось несколько приличных книжек Андре Жида. <...>

Я назову другого писателя, — это Ж. Жироду, который написал “Зигфрид Лимузин”, чрезвычайно остроумный роман... Эта книжка печатается сейчас в Госиздате. Оттуда можно выбрать несколько десятков, вероятно, таких цитат, из-за которых можно будет с легкой рецензентской руки поругать Госиздат за некоторые идеологические уклоны. Там имеются такие места, которые прославляют прекрасную Францию и которые отдают душком ругани бошев, но это книга блестящая в смысле показания того, что есть современный Запад»<sup>27</sup>.

Заметим, что повесть Жида «Имморалист» вышла в издательстве «Мысль» еще в 1923 г., а в 1927 г. в издательстве «Academia» начало выходить 5-томное Собрание сочинений Жида. Первый роман Жироду появился в СССР в 1925 г. (в «Сеятеле»); в 1927 г. вышли сразу пять его книг в разных издательствах.

На заседании возникла дискуссия о социальном романе и особенно о революционных и пролетарских авторах, чьи произведения были идейно выдержанны, но художественно беспомощны. Мнение собравшихся было однозначным: плохое художественное качество способно дискредитировать правильные идеи. О. Бескин резюмировал: «Мы давали читательской публике уймищу самых благонамеренных, но и возмутительных с художественной точки зрения романов, мы довели эту читательскую публику до того, что она отошла от социального романа». Однако когда Бескин привел в качестве положительного примера Пьера Ампа («Амп не дает снижения потребительского спроса, Амп и в прошлом году, как и в этом году, продается так же»)<sup>28</sup>, — в бой ринулся Нусинов, который терпеть не мог этого автора. Он назвал Ампа «мусорной литературой», дискредитирующей жанр и не имеющей спроса у широкой публики: «Это, видите ли, советский бонтон. В советском бонтоне эта книжка разойдется в 3000 экземпляров, но дойдет ли она до широкого читателя, я не знаю. У меня есть проверка не только книжных полок, у меня есть проверка по работе со студенческой массой, коммунистическим студенчеством. Эта проверка показала,

что Пьера Ампа не читали и не спрашивали... Мне думается, это культивирование Пьера Ампа является продолжением линии компрометации социального романа, в том смысле, что он не идет. Вы здесь навязываете то, чего навязывать не следует, это не тот стиль, не тот здоровый быт реализма в литературе, который нам нужен»<sup>29</sup>.

Бурно обсуждался вопрос низкого качества перевода и подбора переводчиков, причем указывались две главные причины неудовлетворительного положения дел — установка частного «лучше хуже, да больше» и маленькие гонорары; спорили о том, можно ли доверять писателям перевод — или делать ставку только на профессиональных переводчиков: «Тов. Нусинов: Если гонорар увеличить, человек вплотную сядет за это дело. А в Москве достаточное количество писателей, которые по восьми часов сидят в различных учреждениях, а затем два часа занимаются литературой. Дайте возможность им в утренние часы заниматься литературой и получать за лист не 80 рублей, а 180 рублей. Возьмите, снимите всех этих писателей, которые сидят в различных учреждениях, снимите их и заставьте делать переводы. (Тов. Анисимов: Бабель скверно перевел Мопассана). Это не доказательство, и я считаю, что лучше скверный перевод Бабеля, который получился потому, что Бабель хотел «обаберить» Мопассана. Мы знаем, что Федор Сологуб очень хорошо перевел Мопассана, как и целый ряд других писателей тоже хорошо его перевели. Но из того, что какой-то писатель хотел создать своего Мопассана, вовсе не следует, что писатели не должны заниматься переводами. Мы знаем, что хорошие переводы всегда делаются квалифицированными писателями, и до тех пор, пока за перевод не возьмутся хорошие писатели, до тех пор мы будем иметь халтуру»<sup>30</sup>.

К Мопассану участники дискуссии обращались не раз: самый популярный из «классиков», он часто служил как положительным, так и отрицательным примером работы государственных и частных издательств с классическим наследием. Практически все отмечали отказ от издания собраний сочинений классиков, тенденцию сокращать текст классических произведений, отсутствие в изданиях предисловий и комментариев, которые нужны для просвещения и воспитания читателя: «Тов. Кибрик: Мне хотелось бы отметить еще одно, чрезвычайно поразившее меня обстоятельство. У нас имеется Гюго и Золя в сокращенном, сжатом виде. Наши читатели не хотят уже читать этих сокращений, за эти годы они выросли настолько, чтобы получать произведения целиком. Сейчас мы спасаемся Мопассаном, ждем с нетерпением выхода каждой книжки. Но давая Мопассана, мы ничего не даем о Мопассане, не даем читателю той литературы, которая помогла бы ему разобраться в этом писателе»<sup>31</sup>.

Совещание в Комакадемии стало важным шагом к централизации книжного дела, в результате которого Госиздат единолично должен был отбирать для издания иностранных авторов и их произведения, организовывать перевод, определять стандарты качества, воспитывать читателя. На повестке дня стояла задача обеспечить тотальный контроль государства над книгоизданием. Она решилась к 1933–1934 гг., когда были закрыты или влиты в Госиздат последние частные издательства.

С 1928 г. формирование советского сталинского канона французской литературы идет ускоренными темпами. «Легкое чтение», как и не блещущие художественными достоинствами опусы «пролетарских писателей» оказываются на периферии и постепенно вытесняются; титанический масштаб приобретают фигуры современных классиков и друзей СССР — Роллана, Барбюса; определяется перечень крупных литераторов-коммунистов и леворадикалов (Вайян-Кутюрье, Леон Муссиак, Луи Арагон), «попутчиков» и прогрессивных авторов-реалистов, критикующих общество и создающих высокохудожественные произведения (А. Франс, Ф. Мориак, Э. Базен, А. Жид, П. Низан, Ж. Ромен).

Важным звеном в формировании советского канона французской литературы было правильное воспитание читателя<sup>32</sup>. Обратная связь с аудиторией, осуществлявшаяся массовым сектором Государственного издательства художественной литературы (ГИХЛ), созданного на базе Госиздата в 1930 г., — демонстрирует все возрастающую власть канона над советским читателем. В 1930-х гг. ГИХЛ печатал на своих изданиях просьбы присылать впечатления от прочитанной книги. Поступившие в массовый сектор отзывы читателей обрабатывались, и некоторые из них отбирались для печати в бюллетене ГИХЛ «Художественная литература». Часто отзывы совершенно сходны с тем, что писала советская критика о том или ином зарубежном авторе, в них воспроизводятся клише и общие места из предисловий и статей, как, например, в этом отзыве на роман А. Мальро «Годы презрения»: «Эта книга дает читателям закалку в борьбе против фашизма и угнетателей, воспитывает человека в стойкости и возмужалости до конца за дело пролетариата-коммунизма. В лице Касснера и летчика я видел в этой книге стойких борцов за дело мирового пролетариата против всемирного угнетателя-капитализма и фашизма, ненавидевших все свободное человечество» (Электромонтер судоремонтного завода «Мурманск-рыба» Ф. С. Фролкин, 18 лет. 21.06.1937)<sup>33</sup>.

Наиболее искусно «жонглируют» идеологическими клише «народные критики» — «книжкоры» (и «деткнижкоры»). Это любители чтения, которых издательство отбирало, выделяя из числа прочих авторов отзывы, и они становились постоянными «рецензентами-любителями» ГИХЛ. Вот характерный пример из «книжкоровского» отзыва на роман Альфонса Шатобриана «Бриера»: «Автор, конечно, не наш, его установки нам неприемлемы, чужды. Мы знаем путь к радостной жизни, но мы обязаны благодарить Шатобриана за то, что он показал правдиво волчий закон капитализма. Эта книга напоминает нам о проклятом прошлом, от которого мы ушли... Поэтому перевод этой книги надо приветствовать. <...> И читатель сам, я говорю о советском читателе, сделает вывод, подправит неверные места в мышлениях автора (в объективной его установке)» (М. И. Мазур, 5.10.1936, Москва)<sup>34</sup>.

Именно такие читательские отклики в первую очередь отбирались для печати. Однако в фонде ГИХЛ в РГАЛИ сохранились также и неопубликованные письма читателей, обращение к которым позволяет увидеть, что процесс рецепции зарубежных, в том числе французских, авторов вовсе не сводился к воспроизводству общих мест, которые транслировались литературной критикой. Так, например, и книжкоры, и рядовые читатели позволяли себе спорить

с профессионалами и выражать собственное мнение. Бдительные читатели порой обнаруживают в романах политические ошибки — и требуют их исправить, нимало не сомневаясь, что имеют право корректировать и писателя, и издателей:

«Товарищи! Выпущенная Вами книга Андре Мальро “Годы презрения” — книга очень интересная, книгу хочется дать прочесть каждому читателю, каждому товарищу. <...> Но, к сожалению, есть одно “но”. В книгу эту ворвалась большая и очень неприятная ошибка. На стр. 88... есть такая фраза: “От Тельмана до Торглера, от Людвиг Ренна, до Осецкого, день за днем они идут к тому, что во все времена было самым высоким в человеке, идут с уверенностью жизни — к смерти”. Как-то тяжело и неприятно, что в такой прекрасной книге допущена такая тяжелая и оскорбительная ошибка... Мне кажется, что о предательстве Торглера было известно и до опубликования постановления КПГ (от 19.12.35. «Правда» 27.12.35). Кроме того по поведению Торглера на процессе поджога рейхстага видно было всему миру что ставить его в один ряд с Тельманом, Димитровым — это делать грубую политическую ошибку, если не сказать больше.

Книжку эту нужно выпустить большим тиражом, исправив эту грубую ошибку. Работать с ней придется, очевидно, разъясняя суть этой ошибки. Хотелось бы получить от Вас разъяснения по этому вопросу и так же и совет: как-же быть?

Жду Вашего ответа. С товарищеским приветом, Глезарова, зав. библиотекой Высшей Коммунистической с/х школы им. Кагановича. Москва, ул. Кирова»<sup>35</sup>.

Из отзывов явствует, что даже в 1930-е гг. критик не обладал непрерываемым авторитетом. Так, один из читателей смело вступает в полемику с автором предисловия Л. Сейфуллиной:

«“Бриера” Альфонса Шатобриана — произведение высокой художественности. Автор <...> мастерски справился с возложенной на себя задачей — сообщить широким массам то, о чем он хотел сказать, — отнюдь не “неволью”, как отмечено в критике Сейфуллиной. Спрашивается, тов. Сейфуллина, автор, по-вашему, раскрыл такую картину только неволью — мимоходом? По-вашему, что кроме этой картины большую и основную часть романа писатель посвятил “лепету” современной буржуазии? <...> Интересно знать, как Вы это находите в строках, нисколько об этом не говорящих. Может быть, Вы большой виной автора считаете, что он не постарался раскрыть причин, которые порождают зло?.. Согласитесь, что Вы не правы!

Шатобриан написал книгу, в которой ясно показал жизнь неимущих бриеронцев. Если он умолчал о причинах, следствие которых — жизнь на Бриере, то это не дает права обесценивать его произведение. Далеко не обязательно, чтобы ребенок получал пищу только в разжеванном виде. Он должен поработать — жевать, ибо эта работа для него гораздо полезнее. Точно так же читатель, прочитавший книгу, не обязательно должен получить из нее все и на этом успокоиться, не дав ни единого толчка мысли. Произведение “Бриера” как раз заставляет читателя несколько призадуматься: почему это так получается?» (Г. И. Сурдин, КирССР, Беловодск. 26.02.1937)<sup>36</sup>.

И еще один выразительный пример резкого несогласия с профессиональным критиком — реакция читателя на идеологический штамп — отзыв на роман П. Низана «Антуан Блуайе»:

«Книга исключительно правдиво и хорошо передает переживания, вернее, целую жизнь среднего человека, не только в буржуазной стране. Совершенно непонятно, почему редакция считает, что это судьба человека, “оторвавшегося от класса”. Разве жизнь Блуайе

была бы лучше и полнее, если бы он не шел вверх по социальной лестнице? Предисловие подтверждает только то, что его лучше всего не читать, а если и читать, то не особенно ему верить — сплошная псевдо-марксистская белиберда. К счастью, прочитав Низана, забываешь и не веришь предисловию» (Служащий, врач, 39 лет, Харьков. 30.04.1935)<sup>37</sup>.

«Народные рецензенты» критикуют комментаторов:

«При переиздании “Кола Брюньона” для массовой публики не так важно, по-моему, объяснить, что такое “Вельзевул” или “импровизировать” (“Вельзевулом” в другой деревне еще обругают друг друга, а “импровизировать”, в конце концов, легко распаковать тем или иными способом — спросить у знающего товарища, а то случайно и словарашко у кого-нибудь под руками есть), но вот, например, кто такой Полиоркет (стр. 207), Антабан (стр. 23), матадор Франка Триппа (стр. 29) и т. д. — об этом не всякий может легко найти справку. Тут есть упущение!» (Научный работник. 36 лет. 28.07.1935)<sup>38</sup>.

«Только что читала “Кола Брюньон” Ромен Роллана ... На стр. 85 мои глаза упали на примечания. Читаю: Венера — богиня красоты и любви у древних греков. Разве? До сих пор я думала, что Венерой свою богиню красоты и любви называли римляне <...> Фавны (стр. 88) тоже отнесены к греческой мифологии. <...> Эти примечания сбили меня с толку, или я не права, или, если права, то я должна подвергнуть сомнению и другие примечания этой книги. Артаксеркс — царь Персии, а вдруг нет, а я запомню и скажу где-нибудь — оскандалюсь!» (Домашняя хозяйка. 9.08.1935)<sup>39</sup>.

А также поправляют переводчиков и даже автора, как этот одесский книжкор:

«О “Кола Брюньоне” мне, собственно говоря, почти нечего сказать. Об этой книге уже столько писалось, что мой слабый голос ничего не прибавит к общему хору восторженных похвал <...> Единственная неувязка, замеченная мною, следующая: описывая осаду г. Кламси византийскими войсками во время масленицы, т. е. в феврале (этот раздел датирован и самим Брюньоном концом февраля), Роллан останавливается на моменте, когда маленькая Глуди свалилась в ров за городской стеной “на цветущую траву” и “рвала букет” (стр. 42). Это, безусловно, ошибка автора или переводчика<sup>40</sup>, потому что в феврале и марте, как известно, и в Бургундии, т. е. в Северной Франции, поля покрыты снегом, а не цветами. <...> Эту ошибку необходимо исправить, а если это недосмотр Роллана, то надо его поставить в известность.

Второй, на мой взгляд, некоторый недочет относится к переводчику Лозинскому. Мне пришлось прочесть эту книгу раньше в другом переводе без применения приема Лозинского <...> сопоставляя переводы, мне этот прием показался вначале удачным, но затем слишком частое его применение (а местами и не совсем удачное) оставило неприятный осадок — ощущение некоторого пересола, которого можно было бы избежать при хорошо развитом чувстве меры. Местами у читателя получается впечатление, словно он слышит прибаутки не чистокровного француза, а владимирского или орловского краснопоя. И с другой стороны от этого должна была пострадать точность перевода» (30.08.1935)<sup>41</sup>.

Другой тип отзывов — те, что содержат личные истории, которые, конечно, отражают идеологию и менталитет эпохи, но в то же время представляют собой человеческие документы, показывающие, что французская литература для многих советских читателей стала любимым чтением, важной частью жизни и настоящей ценностью.

«Дорогие товарищи!

Благодарю вас за выпуск книги нашего великого друга Роллана “Кола Брюньон”. Я купил ее в райотделении КОГИЗ’а 25.02.1935 г., а 27-го уже закончил чтение. Я читал ее при свете свечи, т. к. возвращаюсь с работы поздно, а в полевых условиях не только электричества, но и керосина не видишь. Однако, несмотря на примитивную обстановку, я читал ее с упоением и с большой пользой для себя. Я работаю в трудных условиях, специальность моя обязывает вести бродячую жизнь, и вот бывает, порой взгрустнется поневоле, примерно так: “Все люди как люди, живут и работают в нормальных условиях, пользуются всеми благами зажиточной и культурной жизни, а ты вот мыкайся по степям и горам и превращайся из инженера в дикаря”. Газет иногда не видишь по неделям. Культурных развлечений: кино, театра, музыки, даже о радио речи нет. И так целыми месяцами напряженный, без выходных дней труд <...> А тут жизнерадостный Кола Брюньон говорит своим сочным языком: “Жив курилка... Все будет наше, ничто не уйдет от нас... Всякий родился королем!” — и я сразу воспрянул духом и бросил к черту нытье. Побольше таких книг!» (Геоработник Оленин, Северо-Кавказский край. 30.07.1935)<sup>42</sup>.

Главной целью «обратной связи» с читателем был «мониторинг» хода литературной работы, результатом которой виделась в идеале окончательная «смычка» между издателем, критиком и читателем. Такая «смычка» должна была стать итогом тщательной селекции и адаптации французских авторов к советскому литературному контексту. Тем не менее изучение документов эпохи показывает, что и во второй половине 1930-х гг. до такой монолитности было еще очень далеко. Разброс читательских мнений отражает и сохранявшееся разнообразие обмелевшего, но отнюдь не иссякшего потока зарубежных книг. Было бы ошибочно полагать, что сразу после того, как издание переводной литературы оказалось сосредоточено в Гослитиздате, наступило резкое сужение и унификация ассортимента французских книг. Нагляднее всего это заблуждение опровергает журнал «Интернациональная литература». Здесь вплоть до конца 1930-х гг. печатали не только Роллана, Арагона, Вайяна-Кютюрье, Шарля Вильдрака, Жюль Валлеса, Андре Жида, Люка Дюртена, Ж-Р. Блока, но и «реакционных», «консервативных» и даже «фашиствующих» Анри де Монтерлана, Пьера Дриё ла Рошеля, Жана Жионо. Разумеется, эти публикации снабжались предисловиями, правильно ориентировавшими читателя. Например, вот такой текст от редакции был предпослан рассказам Дриё ла Рошеля, напечатанным в журнале в апреле 1935 г.: «Дриё ла Рошель исступленно кричит о том, что он нашел “спасение” в фашизме. Его последние выступления напоминают бред. Если бы не знали Дриё ла Рошеля, можно было бы констатировать: человек погиб, писатель кончился. Но в прошлом Дриё ла Рошель было такое количество самых диких “сальто”, что мы не удивимся, если в скором времени он заговорит иначе. Во всяком случае, его жалким и ничтожным бравадам в защиту фашизма противостоит то, что дал Дриё ла Рошель-художник в самой напряженной и жизненной своей книге военных рассказов “Комедия Шарлеруа”. Рассказы наряду с мелкобуржуазным пацифизмом содержат много беспощадной правды о буржуазном мире и верно разоблачают мерзкое ханжество цивилизации. Это — истерично и безвыходно, это возникло на почве отчаяния, это упадочно, но это очень похоже на действительность умирающего капитализма. Это — документ»<sup>43</sup>.

Установка на то, чтобы представить читателю многомерную и нелинейную картину современной французской литературы еще сохранялась в эпоху открытости сталинского режима внешнему миру — в период народных фронтов, когда СССР стремился возглавить международное антифашистское движение и привечал разных демократически и прогрессивно настроенных авторов. Следующей точкой бифуркации стал 1937 год — после московских процессов сталинский режим все решительней закрывается от внешнего мира, начинается отход от СССР бывших друзей и сочувствующих, и круг разрешенных авторов стремительно сужается и идеологически унифицируется.

<sup>1</sup> Добренко Е. А. Формовка советского читателя. Социальные и эстетические предпосылки рецепции советской литературы. СПб., 1997.

<sup>2</sup> См.: Кларк К. Москва, четвертый Рим. Сталинизм, космополитизм и эволюция советской культуры (1931–1941). М., 2018; Соцреалистический канон / ред. Х. Гюнтер, Е. Добренко. СПб., 2000.

<sup>3</sup> Добренко Е. А. Формовка советского писателя. Социальные и эстетические истоки советской литературной культуры. СПб., 1999.

<sup>4</sup> См. об этом: Постигание Запада. Иностранная культура в советской литературе, искусстве и теории. 1917–1941 гг. Исследования и архивные материалы / отв. ред. Е. Д. Гальцова. М., 2015; XX век. Тридцатые годы. Из истории международных связей русской литературы / отв. ред. Г. А. Тиме. СПб., 2013 (статьи Г. А. Тиме, М. Э. Маликовой, П. Р. Заборова, Р. Ю. Данилевского, О. И. Мусаевой).

<sup>5</sup> См. об освещении литературной и культурной жизни Франции в советской прессе, изданиях французских авторов в 1920-е гг.: Рябова Л. К., Косорукова М. И. Русские эмигранты во Франции в отражении советских литературных журналов первой половины 1920-х годов // Вестник Российского университета дружбы народов. Сер.: История России. 2019. Т. 18, № 3. С. 605–618. <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2019-18-3-605-618>

<sup>6</sup> См. об этом: Ромен Роллан в его переписке с издательством «Время» / публ., предисл., комм. П. Р. Заборова // Институты культуры Ленинграда на переломе от 1920-х к 1930-м годам: материалы проекта. URL: <http://pushkinskiydom.ru/nauchnye-otdely/otdel-vzaimosvyazey-russkoj-i-zarubezhnyh-literatur/instituty-kultury-leningrada-na-perelome-ot-1920-h-k-1930-m-godam-materialy-proekta/> (дата обращения: 25.11.2020); Маликова М. Э. «Время»: история ленинградского кооперативного издательства (1922–1934) // Конец институций культуры двадцатых годов в Ленинграде. М., 2014. С. 129–331.

<sup>7</sup> И. А. [Анисимов И.]. Бенуа // Литературная энциклопедия: в 11 т. Т. 1. М., 1930. Стб. 449–450.

<sup>8</sup> И. К. Фаррер // Там же. Т. 11. М., 1939. Стб. 661–662.

<sup>9</sup> Тарсис В., Старцев И., Урбан С. Современные иностранные писатели: биобиблиографический справочник. М.; Л., 1930. С. 116.

<sup>10</sup> Анисимов И. Баррес // Литературная энциклопедия. Т. 1. Стб. 355–356.

<sup>11</sup> А. В. [Виноградов А.]. Базен // Там же. Стб. 296–297.

<sup>12</sup> Тарсис В., Старцев И., Урбан С. Современные иностранные писатели. С. 2.

<sup>13</sup> К. И. Чуковский — Р. Н. Ломоносовой. 29 августа 1925 г. // Чуковский К. И. Собр. соч.: в 15 т. 2-е изд. М., 2013. Т. 14. С. 614–615.

<sup>14</sup> Маликова М. Э. «Время»: история ленинградского корпоративного издательства. С. 169.

<sup>15</sup> Российский государственный архив литературы и искусства (далее — РГАЛИ). Ф. 611. Оп. 1. Ед. хр. 388. Л. 83. Внутренние рецензии на французских авторов практически все принадлежат И. Нусинову, лишь некоторые — И. Анисимову.

<sup>16</sup> Там же. Л. 106.

<sup>17</sup> Там же. Л. 48, 86.

- <sup>18</sup> РГАЛИ. Ф. 611. Оп. 1. Ед. хр. 388. Л. 101.
- <sup>19</sup> Там же. Л. 13.
- <sup>20</sup> Там же. Л. 50.
- <sup>21</sup> Там же. Л. 99.
- <sup>22</sup> Там же. Л. 2.
- <sup>23</sup> Там же. Ед. хр. 389. Л. 69.
- <sup>24</sup> Там же. Ед. хр. 388. Л. 95.
- <sup>25</sup> Там же. Ед. хр. 391. Л. 47.
- <sup>26</sup> Там же. Ед. хр. 389. Л. 97. Рецензия от 9.09.1925 г.
- <sup>27</sup> Архив Российской академии наук. Ф. 350. Оп. 2. Ед. хр. 134. Л. 3–4.
- <sup>28</sup> Там же. Л. 32.
- <sup>29</sup> Там же. Л. 43.
- <sup>30</sup> Там же.
- <sup>31</sup> Там же. Л. 35.
- <sup>32</sup> О работе советских литературных институций с читателем см.: *Добренко Е. А.* Формовка советского читателя.
- <sup>33</sup> РГАЛИ. Ф. 613. Оп. 1. Ед. хр. 443. Л. 14.
- <sup>34</sup> Там же. Ед. хр. 689. Л. 1–2.
- <sup>35</sup> Там же. Ед. хр. 443. Л. 5.
- <sup>36</sup> Там же. Ед. хр. 689. Л. 9–10.
- <sup>37</sup> Там же. Ед. хр. 471. Л. 1.
- <sup>38</sup> Там же. Ед. хр. 558. Л. 3.
- <sup>39</sup> Там же. Л. 7. В конце письма приписка работника массового сектора: «т. Оборину к разговору».
- <sup>40</sup> На полях это отчеркнуто ручкой работником массового сектора.
- <sup>41</sup> Там же. Л. 10–11. В конце письма приписка работника массового сектора: «Послать Красниковой для подробного разбора».
- <sup>42</sup> Там же. Л. 5.
- <sup>43</sup> Интернациональная литература. 1935. № 4. С. 62.

Статья поступила в редакцию 9 февраля 2021 г.

Рекомендована в печать 10 мая 2021 г.

## ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

*Панов С. И., Панова О. Ю.* Издатели и читатели французской литературы в СССР в конце 1920-х — 1930-е гг. // *Новейшая история России.* 2021. Т. 11, № 3. С. 738–754.

<https://doi.org/10.21638/11701/spbu24.2021.311>

УДК 82.091

*Аннотация:* Советский образ французской литературы часто приравнивают к сталинскому канону, сложившемуся в конце 1930-х гг. и включавшему писателей-классиков, в том числе и классиков современных (Ромен Роллан, Анатоль Франс) и прошедших идеологический и эстетический отбор писателей (коммунисты Барбюс, Вайян-Кутюрье и др.). Это стереотипное представление верно лишь отчасти. Так, и во второй половине 1930-х гг. сохранялось известное разнообразие, например, в журнале «Интернациональная литература» печатались идейно враждебные авторы, такие как Пьер Дриё Ла Рошель или Анри Монтерлан. Что касается 1920-х гг., в период нэпа «ассортимент» авторов и книг как частных, так и государственных издательств был широким и богатым — от классики, «пролетарских» и «революционных» авторов до авантюрного, любовного, «колониального» романа, не исключая «декадентов», консерваторов и «реакционеров». В статье прослеживаются изменения издательских практик в поворотный период, когда совершается переход к полному огосударствлению, централизации, ужесточению цензуры в литературной политике. На основе неопубликованных документов рассматривается роль советской интеллигенции (литературные критики, редакторы, издатели) в выработке новых

установок и их реализации, а также работа по воспитанию и организации обратной связи с читателем. Сохранившийся в фондах ГИХЛ документальный комплекс читательских отзывов, собиравшихся издательством в середине 1930-х гг., позволяет оценить, насколько успешно шла «формовка советского читателя» и каков был реальный спектр читательских мнений и оценок в ходе рецепции французских авторов к моменту кристаллизации сталинского канона.

**Ключевые слова:** СССР, Франция, литературные связи, литература, издательская политика, перевод, рецензии, читательские отзывы.

**Сведения об авторах:** *Панов С. И.* — канд. филол. наук, ст. науч. сотр., Институт мировой литературы им. А. М. Горького РАН (Москва, Россия); sergeipanov@mail.ru | *Панова О. Ю.* — д-р филол. наук, проф., Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова; вед. науч. сотр., Институт мировой литературы им. А. М. Горького РАН (Москва, Россия); olgapanova65@mail.ru

Институт мировой литературы им. А. М. Горького Российской академии наук, Россия, 121069, Москва, ул. Поварская, 25а

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, Россия, 119991, Москва, Ленинские горы, 1

#### FOR CITATION

Panov S. I., Panova O. Yu. 'Soviet Publishers and Readers of French Literature, Late 1920s – 1930s', *Modern History of Russia*, vol. 11, no. 3, 2021, pp. 738–754.  
<https://doi.org/10.21638/11701/spbu24.2021.311> (In Russian)

**Abstract:** Soviet images of French literature are often reduced to the Stalinist canon of the late 1930s that comprised classical literature, including “modern classics,” like Romaine Rolland or Anatole France; and Communist and leftist writers selected as ideologically and aesthetically suitable for the Soviet reading audience, such as Henri Barbusse, Paul Vaillant Couturier, and others. This stereotype being partially true suggests, however, a simplistic and flattened view of the Soviet reception of French literature. It should be noted that even in the late 1930s there existed a certain amount of diversity in the choice of French authors; for example, *International Literature* magazine from time to time published ideological opponents like Pierre Drieu la Rochelle or Henry de Montherlant. As for the 1920s, in the course of the New Economic Policy both state and private publishing companies offered a wide and varied range of writers and books that included classics, “proletarian” and “revolutionary” authors along with adventure fiction, love stories, and “colonial novels,” easy reading, “decadent,” conservative, and “reactionary” writers. The paper traces transformations of publishing policy during the pivotal years of late 1920s and early 1930s, the period of the “Great Turn” in Soviet society, marked by processes of centralization, total state control, and tightening of censorship. Archival documents allow us to analyze the role of Soviet intellectuals (literary critics, reviewers, editors, publishers) in the elaborating of new guidelines and implementing new practices in publishing policy and organizing readers feedback. A collection of readers’ letters of the mid-thirties, stored in the archival funds of GIKHL (State Publishing House of Fiction), documents the process of the making of the Soviet reader and shows a range of readers’ opinions and attitudes to French writers and their works at the early stage of Stalinist canon forming.

**Keywords:** USSR, France, literary connections, literature, publishing policy, translation, book reviewing, reader feedback.

**Authors:** *Panov S. I.* — PhD in Philology, Senior Research Fellow, Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia); sergeipanov@mail.ru | *Panova O. Yu.* — Dr. Sci. in Philology, Professor, Lomonosov Moscow State University; Leading Research Fellow, Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia); olgapanova65@mail.ru

Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, 25a, Povarskaia ul., Moscow, 121069, Russia

Lomonosov Moscow State University, 1, Leninskie Gory, Moscow, 119991, Russia

*References:*

- Chukovskii, K. I. *Works*: in 15 vols. 2<sup>nd</sup> ed. (Moscow, 2013). (In Russian)
- Clark K. *Moscow, the Fourth Rome: Stalinism, Cosmopolitanism, and the Evolution of Soviet Culture, 1931–1941* (Cambridge, MA, 2011).
- Dobrenko E. A. *The Making of the State Reader: Social and Aesthetic Contexts of the Reception of Soviet Literature*, transl. J. M. Savage (Stanford, CA, 2001).
- Dobrenko E. A. *The Making of the State Writer: Social and Aesthetic Origins of Soviet Literary Culture*, transl. J. M. Savage (Stanford, CA, 2001).
- Malikova M. E. 'Vremya: A History of Leningrad Cooperative Publishing House, 1922–1934' in *The End of the Cultural Institutions of the 1920s in Leningrad* (Moscow, 2014). (In Russian)
- Ryabova L. K. and Kosorukova M. I. 'Russian émigré life in France as covered by Soviet literary magazines of the first half of the 1920s', *RUDN Journal of Russian History*, vol. 18, no 3 (August 2019): 605–618. <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2019-18-3-605-618> (In Russian)
- Tarsis V., Startsev, I. *Contemporary Foreign Writers. Bio-Bibliographical Dictionary* (Moscow — Leningrad, 1930). (In Russian)
- The Socialist Realist Canon*, eds E. A. Dobrenko, H. Gunther (St. Petersburg, 2000). (In Russian)

Received: February 9, 2021

Accepted: May 10, 2021